

Когда свет Будды коснулся Лю Ли, он ощутил лишь разливающееся по телу тепло, а прежняя печаль бесследно исчезла.

На смену ей пришло долгое умиротворение, а вскоре и вовсе наступило полное бесчувствие.

— Это не твоя вина. События пошли не так, как ожидалось, но на то есть высшее предопределение, — раздался мягкий голос, подобный журчанию ручья, едва освободившегося от весеннего льда.

— Он умер, — Лю Ли, чье сердце только что успокоилось, вновь позволил печали завладеть собой. Он стал похож на робота, в котором не осталось ничего, кроме оцепенения.

Он погубил человека...

Тот самый свет бережно подхватил Лю Ли и перенес его в глубину храма.

— Не грусти больше. Ты плачешь так, что сердце разрывается, — слышался знакомый голос. Услышав это, он поднял голову и заморгал затуманенными от слез глазами.

Перед ним на возвышении сидели Пэй Цинь и Пэй Цзун, излучавшие золотое сияние. Вид их вызывал у него невыносимое чувство вины.

Все те обиды, что накопились с момента попадания в игру, подобно прорвавшейся плотине, хлынули наружу, стоило ему увидеть их двоих.

Он больше не мог сдерживаться: присел, закрыл лицо руками и тихо заплакал, позволяя им заключить себя в объятия — награда за проявленную стойкость.

— Ах, мы ведь хотели дождаться, пока ты досмотришь. Но если ты будешь так горько плакать, то ведь и до обморока дойдешь, — Пэй Цзун беспомощно уселся перед юношей и начал осторожно поглаживать его непослушный вихор, который безвольно поник из-за подавленного настроения хозяина.

Услышав слова Пэй Цзуна, Лю Ли разрыдался еще сильнее.

Братья были в растерянности.

Беспомощность их проистекала из того, что они не знали, насколько Лю Ли пуглив и чувствителен, а в замешательстве они были потому, что с детства никогда никого не утешали и просто не представляли, как развеселить его.

— Прости, я тебя напугал? Ладно, давай не будем больше смотреть, хорошо? Пойдем отсюда.

— Нет, я не хочу, — слова Лю Ли, произнесенные сквозь рыдания, прозвучали как бомба, взорвавшаяся в сердцах братьев и надолго лишившая их покоя.

Лю Ли, обиженный, съежился на сиденье, его влажные глаза были подернуты пеленой слез, и, услышав их предложение, он яростно замотал головой.

— Ладно, ладно, не плачь. Ты ведь так лицо себе размажешь, как расписная кошка, — Пэй Цзун впервые в жизни почувствовал, будто совершил нечто ужасное.

— Я хотел его спасти, — Лю Ли закусил губу, и горькие слезы задрожали на ресницах.

Разве можно так просто сдаться? Он мог бы все бросить и уйти, но что тогда будет с маленьким Пэй Цзуном? Что станет с матерью, потерявшей ребенка?

Он спасет их. Прямо сейчас.

— Может, сначала отдохнешь? — Конечно, это было возможно, для них это не составляло труда.

Но в их глазах Лю Ли сейчас был похож на упрямого котенка, который из последних сил пытается показать, что он справится.

— Я хочу сейчас...

Лю Ли закрыл глаза, вновь и вновь пропуская через себя чувство вины. В этот раз он не хотел никого подвести.

Когда он снова открыл глаза, он опять оказался в заснеженной деревне.

Впрочем, сейчас ему было не до любования красотами: он напрямик направился к той самой лачуге из памяти. Все те же действия, те же слова.

Он молча слушал, и с каждым разом ощущения были иными.

Если в первый раз он чувствовал лишь печаль и скорбь, то теперь в душе кипел лишь гнев.

На этот раз он остановил женщину, собиравшуюся бить ему поклоны, и дал ей обещание.

Он пообещал, что защитит ее ребенка, и Цинь Мэйфан была безмерно благодарна. Лежа в постели и беседуя с Лю Ли, она не позволила коварному плану мужчины осуществиться.

Дальнейший ход событий менялся раз за разом. В мгновение ока Пэй Цинь и Пэй Цзун выросли.

Будучи родными братьями, они постоянно ссорились. Лю Ли с досадой наблюдал за ними.

— Эй, он обещал сегодня после обеда играть со мной в гомоку! — Пэй Цзун с недовольным видом смотрел на Пэй Циня, преградившего им путь.

— Он пойдет со мной в библиотеку, — тон Пэй Циня был спокойным, но непреклонным.

Лю Ли чувствовал себя крайне беспомощным, ведь он не хотел идти ни с тем, ни с другим. Теперь, когда они выросли, ему хотелось лишь лениво проводить время дома.

Аромат, разносившийся в воздухе, больше не приносил привычного успокоения. Пэй Цзун чувствовал, как внутри закипает ярость.

Пэй Цинь думал, что его младший брат ведет себя слишком неразумно, постоянно липнет к Нему, не давая ему ни единого шанса.

Видя, что дело идет к драке, Лю Ли, стоявший в стороне, наконец не выдержал и медленно отошел подальше, чтобы присесть в одиночестве.

Почувствовав, что благоухание в воздухе стало менее интенсивным, оба брата заметно занервничали.

В итоге ссора не состоялась, и они разошлись по своим делам. Да, такова была повседневная жизнь Лю Ли: когда никого не было рядом, братья постоянно спорили, но вскоре мирились.

Под присмотром Лю Ли оба они учились прилежно, что не могло не радовать.

Хотя дети в семье Пэй были, мягко говоря, странными, слава об их выдающихся успехах в учебе разнеслась по всей деревне.

Слухи обрастали все более невероятными подробностями: многие шептались, что их дом охраняет великий Будда. Люди начали подражать им.

Рассказала об этом вовсе не семья Пэй, а болтливая повитуха.

Лю Ли, чьи способности она описывала как нечто божественное, поначалу сам чуть было не поверил в это, решив, что к ним пожаловало могущественное божество.

Другие дети в деревне страдали от невыносимого давления: каждый день они слышали, как родители хвалят Пэй Циня и Пэй Цзуна, и начали искренне их ненавидеть.

Лю Ли наблюдал, как они растут день за днем, и понимал, что скоро ему пора уходить.

За несколько дней до его предполагаемого ухода в деревне начали бесследно исчезать дети. Жители искали их несколько дней, но безрезультатно.

Неизвестно, кто стал зачинщиком, но зависть и ревность захлестнули людей.

Почему их дети исчезли, а эти два уродца продолжают жить как ни в чем не бывало?

Какими бы ни были истинные мотивы, все сошлось на том, что это дело рук тех самых «монстров».

Так к ночи накануне девятнадцатилетия Пэй Циня и Пэй Цзуна это напряжение достигло своего пика.

Их мать была заранее усыплена припасенным снотворным.

А отца обманом выманили из дома под предлогом предложения о работе.

Даже способности Лю Ли, из-за того что в деревне появилось слишком много статуй Будды, были частично распределены между ними, чтобы сохранить хрупкое равновесие.

В день рождения никто не пришел их будить.

Зато явилось множество соседей, дядь и тетюшек, которые принесли им конфеты и печенье.

Отдадим печенье и сладости Ему, — впервые за долгое время Пэй Цинь и Пэй Цзун пришли к полному согласию.

<http://bllate.org/book/20704/2069865>